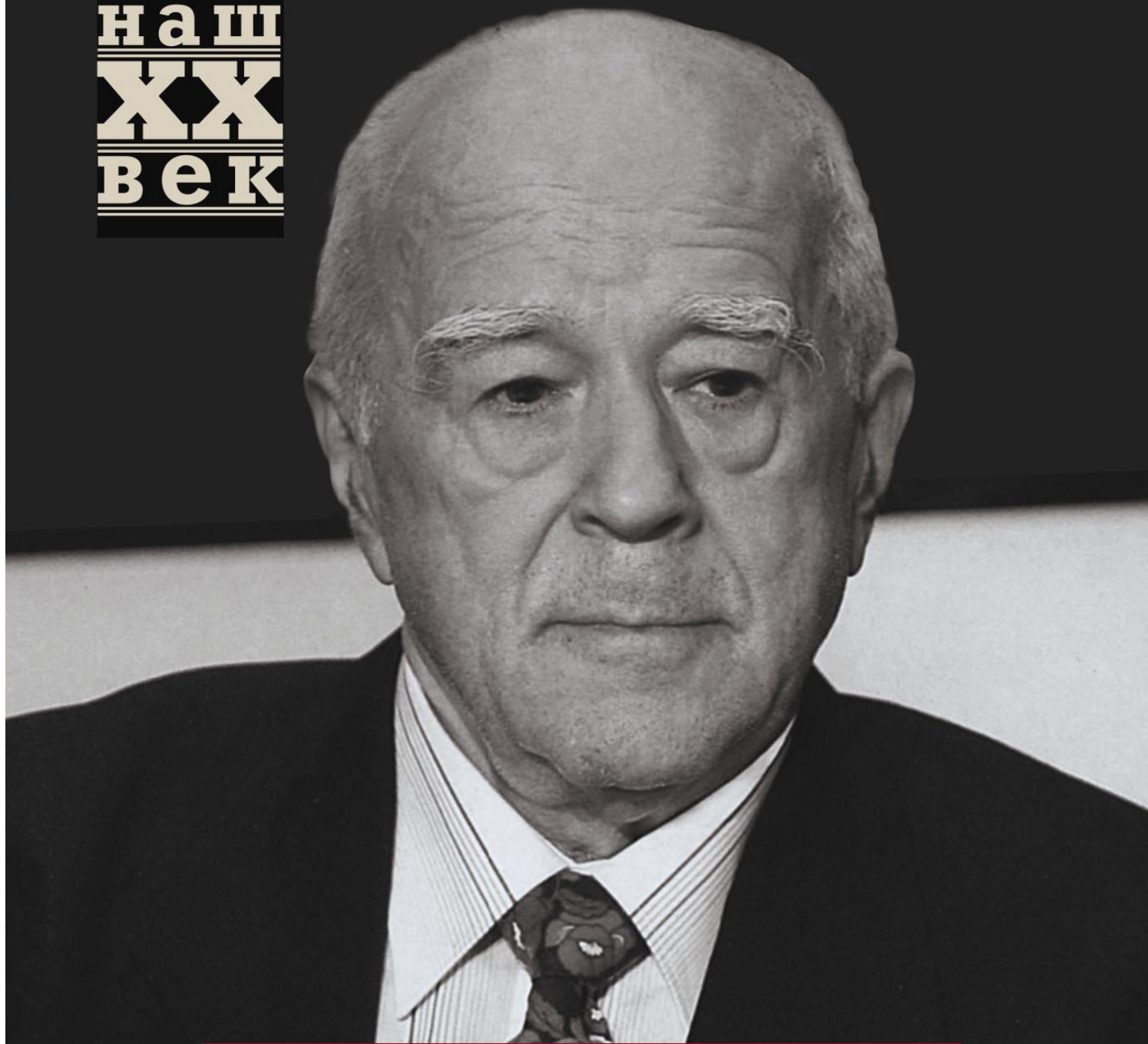

Наш
XX
век

ВИТАЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

КОРОТКИЧ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Наш XX век

Виталий Коротич

От первого лица

«Центрполиграф»

2018

УДК 929
ББК 63.3-8

Коротич В. А.

От первого лица / В. А. Коротич — «Центрполиграф»,
2018 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07864-3

Выдающийся украинский, советский поэт, писатель, публицист, сценарист, журналист, редактор и общественный деятель Виталий Коротич размышляет о времени и переломных событиях, вспоминает друзей и единомышленников.

УДК 929
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07864-3

© Коротич В. А., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виталий Коротич

От первого лица

© В. А. Коротич, 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

От автора

Начинал я писать эту книгу в XX веке, а заканчивал уже в XXI. Начал ее гражданином одного государства, которое затем рассыпалось, а закончил книгу гражданином другого. Не все происходило по моей доброй воле и к моему удовольствию, и все-таки не однажды мне думалось, что все времена и страны объединяются куда основательней именно общим опытом или хотя бы размышлениями над ним. Подумалось, что пережитое мной рассыпается на подробности, но укладывается в несколько общих тем, которые беспокоили не только нас, но и родителей наших и, побаиваюсь, не уйдут и от наших детей.

Второе и последнее десятилетия XX века были переполнены болью и надеждой. Раскалывались исторические эпохи и глобусы, человеческие жизни обесценивались, цивилизации сталкивались непримиримо. Стали ли мы умнее? Кто его знает. Но стали опытнее. Впрочем, одна из главнейших проблем человечества – использовать накопленный опыт себе на пользу – пока что это не получалось, по-моему, никогда. И тем не менее...

Мне очень хочется, чтобы вы были доброжелательны к этой книге, к откровенному рассказу о времени, которое мы прожили вместе с вами.

У меня за многие годы накопился целый ящик наградных знаков из разных стран и целая папка с тиражированными поношениями в мой адрес – меня любили и ненавидели, значит, я не прожил впустую. Мне кажется, что у всех это похоже; есть друзья, есть враги – главное, чтобы все было по заслугам.

Я жил вместе с вами, и не было у меня другого времени, только это. Пожалуйста, выслушайте меня и вспомните все, что происходило с вами. Мы были поблизости друг от друга, и сегодня я дорожу этой близостью больше всего...

Давайте поразмышляем вместе?

2018 год

*Книгопродавец
...Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?
Поэт
Свободу.*

А. С. Пушкин. Разговор книгопродавца с поэтом, 1824

Когда мои родители были очень молоды, в столице страны городе Петрограде произошел государственный переворот, приведший к власти так называемых профессиональных революционеров – не шибко образованных, но очень вдохновенных жлобов. Орлы эти не умели и не собирались управлять государством ко всеобщей пользе, поэтому с тех пор и до сегодня их жизнь свелась к дележкам и переделам имущества, отгребаниям в свою сторону и свою пользу. Тех, кому такие дележки не нравились, устраняли быстро и безжалостно.

Я попросту пытаюсь понять, каким образом в таком обществе можно выживать и хоть как-то реализовать себя, устраняясь от самых бандитских поветрий, связанных с грабежом, дележом и правежом.

Державная пропаганда и муштра доводят людей до озверения. Но заправила всех войн и революций готовят свои заварухи загодя и умеючи; их мародеры всегда наготове, они врываются на поля сражений сразу же после битвы. Послушным гражданам тем временем объясняют, кто у них на сегодня главный враг, кто – не самый главный, и не разрешают сомне-

ваться. Отсюда и первая задача достойного выживания – хоть как-то отстоять себя в процессе повседневного оболванивания. Во всем мире чиновники и прочее население издавна пытаются прибрать друг друга к рукам. У недемократического государства (а мы не жили в ином) превыше всего собственная, эгоистическая цель, для которой ему постоянно надо подминать под себя людей. В демократическом обществе граждане прежде всего пытаются подчинить государство себе, не позволяют ему беспредельничать, не распускают госчиновников до неприличия. То есть всячески мешают им докарабкаться до того счастливого состояния, которого они достигли у нас, в том или ином виде используя против них законы. Законы бывают неприятны, но хорошо, когда они есть. Многие из нас знают, каково жить в стране, где вообще нет законов.

Чиновники уверены, что мы с вами – масса легко манипулируемая. Вопреки этому надо сохранять поле своей самостоятельности как можно более широким; у каждого собственный путь к достижению такой цели.

Каждый должен заниматься своим делом. Моим делом стало писание книг, стихами и прозой. Кроме сочинительства я учился, лечил людей, работал на радио и телевидении, редактировал журналы, бывал в опале, но и получал премии, путешествовал, преподавал. Все это является содержанием книги, которую вы решились прочесть.

В общем, я хочу рассказать о собственной попытке выстроить жизнь в родимых пенатах и вокруг них. Всю жизнь я пытался сохранить за собой право на выбор. Что вышло – то вышло.

В жизни не бывает черновиков – все делается немедленно и насовсем. Тем выше должна быть ответственность за каждый поступок. Никто не может заставить человека подличать, если он сам не решится, если сам он не оправдывает себя.

Вполне возможно, что жизнь наша – не только личный замысел каждого. В приходе каждого на свет обязан быть и высший смысл.

Мне кажется, что наш опыт выживания уникален и важен для всего человечества. Не случайно, что столько добрых и незаурядных людей пришло от нас в мир вопреки всему. В общем, не все так плохо, как иногда кажется. Все даже очень интересно, надо только отражать попытки унижить себя, и не следует при этом унижать других. Вот и все.

Глава 1

Систематизирую жизнь. Впрочем, любые личные воспоминания – всего лишь попытка расположить события своей жизни в определенном порядке и понять правила, по которым они происходили. В этой книге я расскажу о многом, но начать хочу с попытки понять закономерности, по которым ломается жизнь. Никаких загадок; всегда интересно понять, по каким правилам устраиваются карьеры, а также сворачивают головы рядовым людям или вождям (ведь на глазах у всех растерзали и Горбачева, первого и последнего советского президента, и Ельцина – какого ни есть, но первого демократически избранного президента России). События, кажущиеся таинственными, постепенно укладываются в понятные схемы. Так же, как любая из жизней. Пытаясь все это осмыслить, я и пишу книгу.

Правила надо знать. Иногда мне уже казалось, что некоторые из них я достаточно изучил и хорошо понимаю, но тут же выяснялось, что это совсем не так. Вспоминаю, как в начале 1999 года я встретился в Москве с Михаилом Горбачевым и рассказал ему, что восхищал американских студентов повествованием об избрании его, Горбачева, в генсеки. Мол, даже старый партийный бюрократ Андрей Громыко дрогнул тогда перед убедительностью идей Михаила Сергеевича, проявил инициативу и, вопреки склеротичным коллегам, выдвинул самого молодого кандидата на высшую в стране должность. «Ничего подобного, – отмахнулся от моего рассказа Горбачев. – Никакой инициативы Громыко не проявлял. Просто за полчаса до заседания политбюро я пригласил его в кабинет и попросил выдвинуть меня в генсеки. Существуют же определенные правила...» Позже я спросил у Горбачева, почему он отправил Ельцина в Беловежскую Пущу разваливать Советский Союз. «Никуда я не отправлял его, – ответил бывший генсек. – Ельцин попросился съездить туда в командировку, чтобы уговорить Кравчука не рваться в самостоятельность. Есть же правила...»

Упомянутые правила известны не всем. Иногда возникает впечатление, что все люди вокруг играют в множество игр и каждая группа живет по своим правилам. А единых, общих для всех, правил не существует, потому что и все игры разные. Очень часто мы в массе своей не понимаем, как организован и управляется окружающий мир. Иногда подробности этих правил откровенно маскируются в недрах бюрократической системы, как было в Советском Союзе, иногда их застенчиво прячут от любопытных сограждан, как сейчас. Несколько раз за последние годы мне предлагали побеседовать на такие темы; я соглашался, усаживался, к примеру, перед микрофонами популярной радиостанции «Эхо Москвы» и отвечал на вопросы слушателей. Те хотели, в частности, знать, почему президент ничего не предпринимает в ответ на ту или иную газетную публикацию, а я объяснял, что президенту некогда читать газеты, ему готовят специальные выжимки из ежедневной прессы, и те, кто готовит эти цитатники, – едва ли не самые влиятельные люди в стране. Они же и определяют диапазон президентского реагента. Президентами управляют. Постепенно понимаешь, что перемены в обществе не столь уж и стремительны. Гремят видимые всем громы и молнии, но во многих случаях меняются лишь вершинные имена и таблички на кабинетах. Реальные дела совершаются той же публичкой, иногда невидимками, правящими бал из засады, втихаря. Они-то и хранят правила своего, чиновничьего, общежития. Капитализмы с социализмами могут разлетаться в клочья, но управленцы вечны. Нам бы поменьше спорить о терминах и почаще видеть физиономии всяческих невидимок.

В конце восьмидесятых, восторженно сражаясь за отмену цензуры, я регулярно общался со своим цензором Владимиром Алексеевичем Солодиным, человеком знающим и неглупым, который тогда служил заместителем начальника цензурного ведомства, Главлита. Но вот цензуру громогласно закрыли. Солодина отправили в отставку, и либералы в полном восторге швыряли чепчики к небесам. Затем настал 1993 год, Ельцин сцепился с парламентом, а чуть

позже, в порядке демократической процедуры, как он ее понимал, приказал расстрелять парламент из танков. В октябре того самого 1993 года ко мне в руки попал свежий номер газеты «Нью-Йорк таймс», из которого я вычитал, что российский президент вздумал на некоторое время возродить цензуру. Кто же ее возглавил? Правильно, тот же Владимир Солодин! Американский корреспондент спросил у него, как это так быстро удалось восстановить целое ведомство? «Что вы? – ответил Солодин. – Какие проблемы? Вот у меня блокнотик, а в нем телефоны коллег. За полчаса я успел обзвонить их всех...»

О том, как заканчивались восьмидесятые и начались девяностые годы, написано много и не всегда толково, тем более что ничего тогда не закончилось, а начатое в те поры продолжается и сейчас. Вот давайте и поразмышляем на эти темы вместе. Однажды задумавшись, я написал и в 1991 году издал в нью-йоркском издательстве «Либерти» небольшую книгу мемуаров; называлась она «Зал ожидания». Интересно, что позже так назвал свою последнюю книгу Булат Окуджава. Еще я видел это название на пластинке какой-то рок-группы. Видимо, название носилось в воздухе. Многие прохаживаются по залу ожидания, пытаются понять, что и в какую сторону движется, время от времени меняют свое положение в нем. Оглядываемся, выслушиваем дорожные истории. В одном из интервью кинорежиссера Андрея Кончаловского я прочел, что он очень рад, так как ему повезло вскочить в последний вагон уходящего поезда. Я никуда не вскакивал; если уже довелось пропустить нужный эшелон, то старался, чтобы в дальнейшем поезда сами притормаживали возле меня, а машинистов я знал по имени и в лицо. И стоимость проездных билетов тоже не мешает знать наизусть. И то, чей именно паровоз в данный момент вперед летит. Когда-то ко мне в журнал несколько раз подряд приходил лидер только что созданной Либерально-демократической партии Владимир Жириновский, настаивая на интервью, а заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК вроде бы другой, коммунистической, партии Владимир Севрук звонил, требуя это интервью организовать и дать. Ах, какие пассажи с сегодняшней точки зрения! Но, повторяю, надо знать правила, и все станет куда понятнее...

Вообще, вы не обращали внимания на то, как вчерашние противники умеют ладить между собой, а вчерашние союзники умеют ссориться? Если вы поищите причины, то немедленно упретесь или в общее происхождение таких друзей-врагов, или в совсем банальные проблемы. Например, в деньги. Чиновничье счастье в России переменчиво, в десятилетиях устойчиво чиновничье мышление, как образ мыслей временщика. Народное сознание давно уже приучено к тому, что чиновные люди воруют, на опросах около 60 процентов россиян положительно отвечают на вопрос о том, привычно ли им бюрократское воровство. Когда телеэкраны переполнились призывом «Пожалуйста, уплатите налоги!», я прочел в одной из газет уточняющую формулировку: «Пожалуйста, уплатите налоги! Чиновникам уже нечего воровать!» Недолго оно, анекдотическое цыганское счастье, – стянул кусок сала со стола, и ходу! Времена и люди не так уже различаются. Тем более что прошлого с будущим у нас всегда было навалом. Настоящее же приходилось устраивать лихорадочно, любыми методами. Главные трудности – со всегда у нас загадочным будущим.

В Москве и других городах России основываются дворянские клубы. Тетя Мотя оказывается сановной дамой, и то, что ее семейные бриллианты и фамильный герб вчера вечером склепали в Мытищах, решающего значения не имеет. Другая тетя Мотя, попавшая в депутаты российской Думы или Федерального собрания, вдохновенно голосует за переведение себя, любимой, на божественный статус, за выделение себе особенных пенсий и привилегий. Привилегированная часть общества наползает из прошлого и будущего, обижаясь на любые признаки насмешливого или непочтительного отношения к себе. Полвека или чуть больше назад надо было доказать наличие в нескольких поколениях подряд неграмотных предков, чтобы чувствовать себя в советской стране комфортно. Сегодня в родословных уже ищут графьев или борцов за демократию, но с той же целью – сомкнуться с привилегированным чиновниче-

ством. В последние несколько тысяч лет жизнь человечества во многом определялась процессами распределения или перераспределения привилегий. Бывали они наследственными, как Ясная Поляна у Льва Николаевича Толстого, бывали номенклатурными, как пресловутое Четвертое управление Минздрава при советской власти. Но бывали они всегда, хоть не всегда выпячивались. Чиновничество всегда рвалось к привилегиям, мечтало о них, как гоголевский герой о шинели, но никогда не стремилось кричать о них на перекрестках.

Чиновников очень много. В странах, устроенных бюрократией для себя, вроде нашей, счет идет на многие сотни тысяч. При Сталине, например, было 532 тысячи чиновников во всем Советском Союзе; количество их росло, достигнув при Ельцине миллиона с лишним в одной только России. Я уже в самом начале хочу подчеркнуть, что публика эта плодится, как комары на болоте, но власти не отдает никогда. Не буду вас утомлять собственными наблюдениями, но припомните сами, кто был и кто остался у власти после любых отечественных перемен, начиная с раннебольшевистского времени. Старые и новые чиновничьи слои накрепко сращены; партийная и гэбэшная бюрократия в процессе демократических перемен сдает кабинеты, но лишь тем людям, которых сама и вскормила. У нас всю историю боролись против кого угодно – против буржуев и космополитов, против преступных национальностей и против хозяев земли, против генетиков и кибернетиков. Не боролись только против чиновников и против дураков. Российское чиновничество давным-давно безыдейно; на закате советской власти лишь считанные ортодоксы боролись за красноречивую идею. В конторах идеям не служат: за примерное поведение при одной власти дают эти вот льготы, а при другой – другие. Отец рассказывал мне, что когда-то в гестапо его допрашивали русскоязычные следователи с энкавэдэшной выучкой. Позже я узнал, что были целые «русские отделы», укомплектованные перебежчиками. Чиновники перетекают из времени во время, из слоя в слой, как песок в песочных часах. Как серые мышки, множатся, группируются, перестраиваются. Какие бы вожди ни маячили наверху пирамиды власти, решают-то они, люди с папочками. Раньше они контролировали прессу через цензуру, сегодня прессу контролировать еще легче; назовите мне почти любую московскую газету или еженедельник, и я скажу вам, у кого они в кармане. При всех переменах быстротекущей жизни многое в ней стабильно до ужаса.

Мне рассказали, что американский парламент – сенат и конгресс – проголосовали забавный закон. Согласно этому закону депутаты имеют право принимать постановления о льготах и привилегиях для депутатского корпуса, но с одним условием: все эти льготы действительны не для нынешнего, а для следующего созыва. Для самих себя господа депутаты не имеют права голосовать ничего.

В 1992 году я предложил одному из активных российских парламентариев внедрить подобный закон в российскую почву. «Ты с ума сошел, – ответил мне тот. – Спрячь это и никому не показывай. Люди работают в Думе, правят страной, а ты хочешь, чтобы они жили как все».

Чиновники в нашей стране всегда обижаются, когда им предлагают пожить «как все», – они хотят иметь исключительно другую еду, другие автомобили, квартиры и врачей. Страна нищая, и в большой степени по их воле, потому что все временные решения наши бере принимают для себя с немедленным вступлением в силу. Про будущее думать они не обучены и не хотят. В начале 1999 года я взял официальную статистику: одних служебных автомобилей в России около 400 тысяч. Только на их обслуживание (без стоимости самих автомобилей) в год расходуется около одного миллиарда (!) долларов. Каждые пять лет автомобили положено менять. Вот так-то...

Как-то теплым южным вечером журналист из газеты «Вашингтон пост» спросил меня в американской столице о прогнозах на завтра. «Позвоните в Москву, – отшутился я. – Там уже завтрашний день, и вам все ответят». В газете так и напечатали, а главное, я тогда и сам так думал, – не только в том смысле, что восьмичасовая разница часовых поясов рождает подоб-

ные парадоксы. Тогда, в конце восьмидесятых, я искренне полагал, что мы рванули в завтрашний день неудержимо и невозвратно. Мелочи в расчет не принимались. Помню, как из Москвы в Вашингтон нам привезли ящики цветных портретов генсека, где горбачевская родинка на лысине была старательно заретуширована. Тогда мы обхохотались, отшучиваясь от американцев; я полушутя объяснял, что чиновники решили вот так, ну и ладно. Но оптимизм убывал очень быстро; через несколько лет, в начале девяностых, стало уже не до шуток. Первым о том, как меняется чиновничье окружение Горбачева, мне грустно сказал его идеолог, Александр Яковлев: «Теперь они уже печатают для генсека наши портреты. Ни слова хорошего о тех, с кем он начинал реформы, М.С. давно не слышал, да и кто ему теперь скажет?» Как спортсмен, у которого появился новый тренер, Михаил Сергеевич стал играть иначе, изменился, стал отдаленнее, напряженнее, злее. На встречах с главными редакторами, которые не так часто, как прежде, но все же продолжали происходить, он уже кричал на нас.

Помню одну из последних таких встреч в конце 1990-го. Он, как всегда, говорил долго и неинтересно. Сокрушался, что американский госсекретарь по отношению к перестройке более оптимистичен, чем родимый экономист Шмелев. Затем он поругал другого экономиста, велел редакторам блюсти партийную линию – и все это тоном учителя, только что получившего самый непослушный класс в школе. В этот момент мне захотелось поглядеть на Горбачева вблизи. Я подошел и увидел как бы не его, а почти незнакомого взъерошенного человека. Он крабиком, бочком двигался к выходу из президиума, тыча в меня пальцем и буквально крича: «Не сдержал слова, не сдержал слова! Ввязался в перепалки!»

Черт знает что. Какие перепалки? Я действительно переругивался с ежемесячниками вроде «Молодой гвардии» или «Нашего современника», но чаще всего делал это, защищая от атак его, Горбачева, и принципы гласности. К тому времени определился уже круг изданий, постоянно повизгивавших на тему о том, кто кого продает (кто же нас купит, таких замечательных?), – с ними-то я и цапался постоянно. Последним впечатлением от того совещания у Горбачева остался уходящий левым боком в дверь лидер, гневно тычущий в меня пальцем («Нью-Йорк таймс» – и откуда они только все узнают? – живописно рассказала об этом). Обычно на следующий день после таких встреч вызывают в ЦК и подробно все разъясняют. На этот раз вызова не последовало. Я косился на телефон правительственной связи с гербом на диске, но телефон молчал. Позже редактор «Аргументов и фактов» Старков сказал мне, что ждал вызова еще более напряженно, потому что Горбачев прошелся по нему особо. Но и его не тронули; позвонил один из либеральных начальников и велел Старкову не дергаться и нормально работать. Мол, ничего особенного не произошло.

После полудня у меня все-таки зазвонил телефон. Приятель, всегда знавший в подробностях все о газете «Правда», прямо пицал от восторга: «Сняли этого старого му...ка, главного редактора «Правды» Афанасьева!»¹ А еще через сутки в отставку ушел гэдэровский вождь Эрих Хонеккер. Вот так Горбачев тогда поигрывал с чиновниками: финт ушами, нырок вправо, удар влево, уход, заслон, контратака...

Он финтил и приплясывал, а чиновники сидели стеной, горой, крепостью, ощущая его субстанцией временной, а себя – вечными.

В те годы наша традиционная неуверенность обострилась. Лужами, как теплый студень по блюду, растекались чиновники, перегруппировываясь в новые сообщества. Они-то были реалистами, а мы все еще строили песочные замки. В только что избранном Верховном Совете

¹ Афанасьев Виктор Григорьевич (1922–1994) был редактором «Правды», одной из влиятельнейших в мире газет, рупоре однопартийного советского руководства. Все, что писала «Правда», никогда не опровергалось, редактор газеты был куда влиятельнее большинства министров. С 1976 года в течение 13 лет он управлял «Правдой», но, поскольку, кроме должности, не обладал ничем, делающим его запоминающейся личностью, он исчез из поля зрения немедленно после отставки. Я искал справку о В. Г. Афанасьеве в послесоветских энциклопедиях и не нашел ни в одной. Человек был частью системы и вместе с ней исчез... (Здесь и далее примеч. авт.)

либеральные депутаты создали так называемую межрегиональную группу во главе с Сахаровым и Ельциным; вошел в нее и я; еще одна интеллигентская попытка выстроить очаровательную крепость с башенками. Незадолго до того я отказался публиковать мемуары Ельцина, которые сочинял мой заведующий отделом писем (в дальнейшем – начальник президентской администрации Валентин Юмашев). Борис Николаевич на меня сердился, позже он упомянул в очередной книге об этом; но тогда, победоносный, подошел и доверительно шепнул: «Все в порядке, понимаешь. Стряхнем нахлебников, объединимся с Украиной, Белоруссией и Казахстаном – вот здорово заживем!» Но чиновники не хотели объединяться: и в России, и вокруг нее они уже знали, насколько удобнее хозяйничать в четко огороженном дворике, а не в размытом пространстве, где не все еще поделено до конца. Это еще одна старая чиновничья традиция: в сложных ситуациях улыбаться, соображая «кто с кем, кто чей человек».

Все-таки Горбачев был начальником, не типичным для своей страны и своего времени: он бывал способен на мгновенные эмоциональные реакции. Последний генсек начисто был лишен сталинского иезуитства или андроповской жестокой веры. Он обижался, краснел, рассказывал анекдоты про себя и тут же обижался на эти анекдоты. Он запрещал, не наблюдая, как его запрет выполняется. Давало себя знать и ставропольское провинциальное прошлое, южный говорок, простовато звучащий в московских президиумах. К Горбачеву в окружение постоянно набивались чинуши с манерами этих «столичных штучек», вроде бывшего соученика Анатолия Лукьянова. Эти адвокатики оказывали на него огромное влияние, как бы вводя комплексующего Михаила Сергеевича в прежде не доступный ему высший свет, помогая одолевать комплекс неполноценности. При этом чиновники свято соблюдали ими же установленные правила игры. Помню, как во время еще первого визита Горбачева к Рейгану в Вашингтон нам, его свите, был роздан циркуляр, запрещающий посещать официальные приемы в галстуках-бабочках, хоть на приглашениях американцы требовали именно их. Горбачеву разъяснили, что он потеряет в этом хомутике пролетарскую гордость и что все остальные обязаны быть как он. Ах, как дирижировали чиновники советским президентом и его окружением! То подставляли его супругу, оказывающуюся на крейсерах и подводных лодках во время служебных визитов Горбачева, когда ей вроде бы там делать было нечего. То выпускали приватную информацию о Михаиле Сергеевиче; как-то я нанял нескольких кремлевских мебельщиков для ремонта двери в квартире, и они прогрызли моим домашним головы фривольными рассказами о личной жизни генсека...

Я остановился на этом примере, потому что отчетливо видел, как Горбачев все больше суетился под присмотром своих и чужих чиновников, формирующих его мир, и все больше оставался без команды. Да и в команду он старался подбирать людей, на чьем фоне можно было блистать ярче – тех самых сереньких мышек, которые в дальнейшем его и сгрызли. Ближайшее окружение сжималось до семейного круга. Он не создал своей бюрократии и не приручил чужой. Помните, была песенка про памятник Петру в Петербурге: «Только лошадь да змея, вот и вся его семья»? У Горбачева и того не было; не скототив чиновничьей команды, он уходил в пустоту.

Во многом все это повторилось в судьбе Ельцина, в его окружении, на фоне дочери Бориса Николаевича, очень похоже занявшей в иерархии место прежней «первой леди». Борис Березовский вместо Анатолия Лукьянова... Пресса поддразнивала Ельцина всем этим, раздражая его точно так же, как раздражала Горбачева вмешательствами в его личную жизнь. А ведь кроме личного круга никакой защиты не оставалось!

Ах, как можно манипулировать вождями, если отделить их от независимого окружения, а затем ввергнуть в чиновничью паутину и поддразнивать при помощи подручной прессы! Странное дело, но человек, первым позволивший прессе порезвиться без цензуры, Горбачев, стал первым руководителем страны, схлопотавшим столь немилосердные удары гласности в своем собственном доме, а его помощники даже не пробовали смягчить тяжесть ударов. И –

что в горбачевском, что в ельцинском кабинетах – нарастали вокруг верховной власти подхалимы из круга старых, всегда готовых на предательство друзей дома. Тут уже семейным кругом не защитишься, такие сдавали и московских самодержцев. В принципе они же разыграли все постленинские призы; меняется власть, а не принципы ее удержания.

В самом конце восьмидесятых у меня в Московском университете была встреча с читателями; все как положено – в актовом зале, полно народу, ответы на записки. Одна из записок была типичной для той поры: спрашивали, что я думаю о супруге президента Раисе Максимовне. Что можно было ответить? «Вот буду брать интервью у Михаила Сергеевича и передам ему ваш вопрос, мне бы с собственной супругой разобраться...» На следующее утро я по какому-то делу позвонил в кабинет к Ивану Фролову, главному горбачевскому помощнику. Тот сразу пошел в атаку: «Михаил Сергеевич очень обиделся! Ну зачем ты сказал, что хочешь обсудить с ним поведение Раисы Максимовны? Ему уже доложили...» Вот так это и делалось; чиновные стукачи становились все заметнее в ближнем окружении президента. Они, собственно говоря, и не уходили отсюда, да и не сдавали никаких позиций. Только лишь шевельнутся занавески в кабинетах верховной власти или вокруг них – моментально высовываются чиновничьи уши, чиновничьи пальцы, все больше зажимавшие процесс перемен. Я уже говорил, что те, кто ориентирует президента (любого – также американского, парагвайского, всякого), – самые важные люди в стране, государственная шея, способная повернуть голову куда угодно. Было это при Ленине – Сталине, есть это и сейчас. В августе 91-го та же государственная шея поворачивала-вертела горбачевскую голову, а затем ее и вовсе свернула. Аппарат.

У меня хранится несколько толстых блокнотов с записями регулярных накачек-инструктажей у Горбачева или его ближайших сотрудников. Сегодня их особенно интересно листать. Зависимость руководителя страны от его приближенных, от аппарата, нарастала постоянно. Он почти всегда вспыхивал, если задевали кого-нибудь из «ближнего круга», он боялся приближенных и всегда подчеркивал, что не даст их в обиду. Неприятелей крушил, как умел (велел мне думать о серии статей, сокрушающих Ельцина: «Он же идиот, вены себе резал – надо размазать его, раз и навсегда»). Я тогда честно признался, что отказался опубликовать ельцинские мемуары, но и лезть в драку с ним тоже не стану. Михаил Сергеевич нахмурился. Постоянно неуверенный в себе, генсек хитрил и нашаривал опоры, которых на самом деле в природе не было. Он готов был сдать и сдавал многих людей, искренне ему веривших, так и не решился встать на сторону интеллигенции, не понял Сахарова, сгонял его с трибуны (предварительно вызволив из ссылки). Он, имея собственные чиновничьи рефлексy, каждому хотел определить в жизни фиксированное, зависимое местечко, а сам был зависим больше других. Он все тянулся к своим, к привычным. Чуть тронешь его клан, чиновничью партийную номенклатуру, Горбачев начинал нервничать. Я нашел в блокнотах старую, очень типичную запись от 11 февраля 1987 года; генсек пылко возмутился, что в одной из статей тогдашняя «Литературная газета» назвала каких-то партийных кадровиков «шелупонью». «Это недопустимо, так нельзя, – шумно кипятился Михаил Сергеевич. – Не унижайте чиновников! Они делают важное дело! Мы не можем как в сепараторе: сюда молоко, а сюда – сливки! Нам всякие люди нужны...» Вокруг него и были, что называется, «всякие люди».

Вспоминаю об очень важном своем контакте с Горбачевым, настолько все в нем было характерно. В феврале 1988 года мы с Евгением Евтушенко поехали выступить в Ленинград. Вечер проходил в огромном дворце «Юбилейный» – несколько тысяч слушателей, много друзей-писателей за кулисами. Короче говоря, зал был «наш», и зал этот очень чутко реагировал на все сказанное. В таком зале врать было нельзя; ни в каком не следует врать, но в таком – особенно. Во время выступления я получил записку, касавшуюся недавней речи тогдашнего министра обороны Язова. По телевизору маршал демонстрировал народу мой журнал, с подчеркнутой брезгливостью на бульдожьем своем личике, держа экземпляр за уголок. «Вот эту гадость, – рек военный министр, – порядочный человек брать в руки не должен, а читать – и

подавно!» Что можно ответить на такое? Старательно подбирая слова, не называя фамилий, я сказал, что некоторые руководители умеют окружать себя дураками. «Но надеюсь, – сказал я, – что это ненадолго. Идет разоружение. Я полагаю, что самые большие ракеты и самых больших дураков уберут в первую очередь».

Рано утром на следующий день я возвратился поездом «Красная стрела» в Москву. Заехал домой, переоделся и в десять утра был уже в «Огоньке». А в одиннадцать позвонил Горбачев: «Ты что делаешь?..» Он был со всеми на «ты», а к нему полагалось обращаться на «вы». Их нравы.

На мою растерянную реплику, что, мол, я сижу в кабинете и ожидаю его, Михаила Сергеевича, указаний, последовал не принимающий шутейного тона рык, повелевающий немедленно прибыть в первый подъезд Старой площади, на шестой этаж, к нему! Я тут же отправился на свидание.

До сих пор самое неожиданное для меня в той встрече – густой мат, которым встретил меня тогдашний вождь советских трудящихся. Я кое-что смыслю в крутых словах, но это было изысканно, мат звучал на уровне лучших образцов; до сих пор угадываю, под каким же забором Михаила Сергеевича всему этому обучили. В паузах громовой речи, с упоминанием моей мамы и других ближайших родственников, Горбачев указывал на толстую стопку бумаги, лежавшую перед ним, и орал: «Вот все, что ты нес прошлым вечером в Ленинграде! Вот как ты оскорблял достойных людей! Я что, сам не знаю, с кем мне работать? Кто лидер перестройки, я или ты?!» – «Вы, – категорически уверил я Горбачева. – Конечно же, вы и никто другой!» – «То-то», – сказал генсек, внезапно успокаиваясь, и дал мне бутерброд с колбасой.

Смысловая часть встречи на этом и завершилась. Я жевал кусочек хлеба с начальственной порцией еды и думал, как же это так получилось, что какие-то люди провели в Ленинграде бессонную ночь, расшифровывая мои эмоциональные речи на многочленном вечере в огромном дворце. Кроме того, речи были немедленно переправлены в Москву, немедля попали на стол к президенту супердержавы; не фиг им делать, что ли? Клянусь, именно эта мысль тогда во мне доминировала. Я хорошо знал круг проблем, сотрясающих страну, понимал, что должна, обязана быть очень серьезная причина, по которой руководитель супердержавы орет на редактора журнала, безусловно не находящегося в оппозиции к нему и его делу.

– Лигачев семнадцать лет в ЦК: тебе кажется, он не подготовлен к своей должности? – орал Михаил Сергеевич, плюясь крошками. – Ты вот и силовых министров вроде Язова терпеть не можешь, а ведь мы вместе лизали жопу Брежневу, все! Это было и прошло, а сегодня надо объединять, а не оскорблять людей!..

Когда Александр Яковлев, прихрамывая, выводил меня из горбачевского кабинета, в дверном проеме он нагнулся к моему уху (знал, наверное, место) и сказал: «Вы понимаете, только что Горбачев вас спас? Сегодня чуть позже будет заседание политбюро, где министры обороны и госбезопасности потребуют снять вас с работы...» До сих пор помню чувство, охватившее меня в момент, когда я понял, что всемогущий мой главный руководитель страны разорвался для чиновничьих микрофонов, установленных у него в кабинете. И матерился он для них, чтобы лучше поняли...

Так начальника перестройки сдавала его команда, ни в каких перестройках не нуждавшаяся, но хранимая им до последнего. Но это ведь лишь начало повести...

Заметки для памяти

Британский премьер-министр госпожа Маргарет Тэтчер приехала в Москву. Меня пригласили на завтрак в ее честь, устроенный британским послом. Элегантная, улыбчивая госпожа премьер прибыла на завтрак с опозданием, но сразу же включилась в беседу, создавая атмосферу застолья.

- Какой, вы полагаете, сейчас период перестройки? – обратилась она ко мне.
 - Не знаю, бываете ли вы в кино, – сказал я, – но есть такой трехсерийный фильм, почти классика, называется «Звездные войны». Не помните, как называется его вторая часть?
 - Нет...
 - «Империя бьет в ответ», у нас сейчас как раз эта стадия перестройки.
 - В самом деле? А как называется следующий фильм?
 - «Возвращение джедая». Не дай бог...
 - Кого-кого возвращение?
 - Возвращение, госпожа Тэтчер. В этой стране, что ни вернется – все плохо...
 - В самом деле?..
- Вот так я пообщался с британским премьер-министром в тот раз.

* * *

В конце семидесятых годов я оказался в Нью-Йорке и разговорился с приятелями из советской миссии при ООН. «Будь осторожен! – предупреждали они. – С твоими демократическими заскоками не попадись одному из верховных наших начальников, Аркадию Шевченко, – во зверь, во ортодокс! Сразу надует телегу в Москву!» Этот самый Шевченко, вечно насупленный коротышка, похожий на перекормленного мопса, был одним из главных советских чиновников-дипломатов, внедренных в штат к Генеральному секретарю ООН, и сие считалось великим достижением секретных служб победившего пролетариата. Еще бы – наш человек в сердце буржуйской дипломатии!

Позже выяснилось, что именно угрюмый ортодокс Шевченко и получал деньги за выдачу всех известных ему пролетарских тайн американской разведке, многие годы выполняя именно ее задания. Платили ему поштучно и помесечно, позже он сам этого не скрывал в мемуарах, как признавал и то, что оплата его очень устраивала. Этот хмурый человечек не так, оказывается, и был недоволен жизнью. Он регулярно закладывал каких-то там советских шпионов, выходявших с ним на контакт, хоть многие полагали, что он и является едва ли не самым главным из них.

В общем, спустя какое-то время Аркадий Шевченко сбежал от советской власти, собственной семьи и своего шефа Андрея Громыко, попросил в Америке убежища, был спрятан на секретных явках ЦРУ, а позже легализовался, написал книгу о своей прежней жизни и зажил припеваючи, а также выпиваячи. Последнее его погубило. В самом конце девяностых он помер; смерть беглого дипломата и шпиона была некрасива, одинока; его не сразу обнаружили в комнате, куда никто, как правило, не входил. В общем, это часть злорадного сюжета для коммунистической прессы под шапкой: «Конец предателя», почему я и не стану в тему вдаваться. Меня удивило другое: уже в 1999 году я прочел интервью с дочерью Шевченко, которая давно переехала к папе в США и с тех пор там живет-поживает. Дочь не обсуждала отцовских принципов, она только позавидовала ему, вздохнув на тему: «Вот человек устроился!» Дело в том, что ООН, где Шевченко прослужил долго, платила ему около тысячи долларов пенсии ежемесячно, зато Центральное разведывательное управление США, с которым он сотрудничал меньший срок, – целых пять тысяч в месяц. Чиновник-дезертир устроился великолепно, потому что вовремя нашел именно того работодателя, с которым выгоднее сотрудничать. О прочих подробностях, как я уже заметил, речь не шла. Интересно, что в американской русскоязычной прессе почти все некрологи свелись в основном к разговорам о том, что чиновник вовремя сделал выгодный выбор. Некий выпускник Московского института международных отношений по фамилии В. Война написал в калифорнийской газете, что все знакомые ему советские дипломаты мечтали о чем-то подобном. Но одному из них, чиновнику Аркадию Шевченко, таки да повезло...

Глава 2

Это продолжение предыдущей главы и в то же время ответ на вопросы, которые мне задают очень часто и до сих пор: как мне работалось в «Огоньке» и почему я покинул журнал.

Одно из главных несчастий бывшей Советской страны заключалось в том, что слишком многие в ней были заняты не своим делом. Причем я вовсе не имею в виду, что людей этих делу не обучили. Беда была в том, что люди по обязанности занимались тем, чего не любили и что им зачастую было противопоказано по характеру, по роду привычек. Но люди не сами решали, чем бы заняться: их посылали, или, как говорилось у нас, «бросали» то на целину, то на торфяные разработки, то на исправление дел в балете. Когда сегодня общими словами пытаются исчерпать такие понятия, как «советский чиновник» или «номенклатура» (высшее подразделение этих чиновников), не всегда помнят, сколько разных людей объединялось в этой советской клетке красного цвета – далеко не все они были счастливы. С какого-то времени и в ЦК появились чиновники чуть иные, искавшие дружбы в среде творческой интеллигенции, вздыхавшие то об американских стандартах, то о деревушках в российской глубинке. Была в этом наигранность, но была и растерянность людей перед все более сложным делом, с которым они не могут справиться. Были и другие, всегда считавшие, что служебное положение дает им право выносить окончательное суждение по всякому поводу. Их можно было назначать кем угодно, и везде они, что называется, землю рыли, окружая себя страхом и ненавистью.

Здесь есть еще одно обстоятельство. Известный математик Игорь Шафаревич, написавший кроме научных работ немало ерунды на темы общественно-политические, одно из исследований посвятил размышлению о том, каким образом люди и животные узнают друг друга, как тянутся «свой к своему», по каким неуловимым нюансам отличают членов собственной стаи от всех остальных. Интересная тема. Я не раз наблюдал у людей определенного пошиба, в частности у номенклатурной публики, умение мгновенно находить своих в самом затолпленном помещении. И напротив, мне приходилось подолгу работать с людьми, делавшими вроде бы одно дело, но не подпускавшими никого ближе, не ощущавшими душевного контакта ни с кем. Всякий раз что-то их останавливало, не давало сблизиться, сигнализировало: «Чужой!» В советской тревожной жизни эти качества развивались; узнавание своих и чужих было предельно важным для самосохранения. Но общество было неоднородным; случайные отношения, временная необходимость сбивали людей в нестойкие группы, и однажды номенклатурная публика могла временно оказаться в совершенно не своем окружении. Тогда они – на рефлексках, как цыпленок, сокрушающий скорлупу, – прокладывали свои пути в мир и друг к другу, пробивались «свой к своему». Не все из этих людей были лидерами, но все быстро очерчивали свои жизненные пространства, делая, казалось бы, самые обычные дела – выполняя поручения. Люди эти были нужны: всегда и несмотря ни на что.

Более того, перемены, обрушившиеся на страну и в дальнейшем сокрушившие ее, показали, что государству была очень нужна новая бюрократия. Прежних чиновников, с несколькими (у каждого) поколениями малограмотных пламенных революционеров в роду, должны были сменять и сменяли чиновники нового разлива. Они уже постигли собственную значительность и раньше других поняли, грубо говоря, возможность заработать на переменах. Я, конечно, совсем уже упрощаю, но развитие событий показало, что это не столь уж и неверно. В общем, дальше упомянутый эксперимент я ставил на самом себе, потому что взял одного из таких деятелей своим заместителем в «Огонек». Он был всем хорош: мог бы работать в пивном ларьке, быть директором бани или руководить текстильной фабрикой. Но так получилось, что человека этого однажды повернули лицом к пропаганде и прессе. Там-то я и отловил его, отыскивая не столько журналиста, сколько организатора, менеджера, которого в редакции не было. В ту пору мне нужна была еще и ступенечка в московский чиновный мир, с которым

приходилось работать. Если с писателями-актерами-художниками проблем не было, то делать дела с чиновниками я не мог без одного из «ихних», зама-администратора. Я объявил поиск. Несколько человек подряд вскоре же мне сказали, что в «Комсомольской правде» работает чиновный замглавного, которого в редакции не любят. Человек этот числится на журналистской должности, но журналистику не жалуется; сам он экономист, имеет организаторский опыт. Вот такой-то мне и был нужен. То, что его не любили, – ничего страшного, не кинозвезда, зато за плечами у Льва Гущина кроме экономического диплома была работа в газетах «Московский комсомолец» и «Советская Россия». Там, по рассказам, он пыхтел над делами не столько творческими, сколько административными, что меня и устраивало больше всего. Дальше шла полоса слухов: кто-то прибежал сообщить, что Гущин сотрудничает с КГБ, кто-то наушничал по другим поводам. Но у меня к тому времени уже зубы болели от либеральной паранойи по поводу неукротимой и всемогущей тайной полиции; даже если это окажется правдой, то незачем будет ломать голову над тем, кто же «стучит» из журнала, – все равно ведь кому-то это дело поручат. Короче говоря, я никого не послушал, пригласил Гущина для беседы и взял его заместителем. Начальство утвердило кандидатуру без разговоров. Сразу же мы условились с новым замом – он панически об этом просил, – что он не будет читать ничего из материалов, готовящихся к печати, особенно по искусству. Удел нового заместителя – дела сугубо хозяйственные, административные.

Он это и вправду умел очень хорошо: организовать вечер, снять зал для встречи с читателями, заказать стаканы с эмблемой журнала, устроить редакционное чаепитие. Мне никогда прежде не приходилось работать с человеком, который в творческом коллективе был бы хозяйственником, воплощающим номенклатурное устройство советской жизни. Гущин, бывший секретарь Краснопресненского райкома комсомола Москвы и недавний сотрудник большевистской «Советской России», ничего не знал о литературе и искусстве, поскольку в его обязанности никогда не входило что-нибудь знать об этом. Я уверен, что, если бы ему велели, Гущин бы освоил в нужном объеме и это, но ему пока никто не велел. Иногда он, впрочем, предлагал поместить на обложку портреты кинозвезд и художников. Именно эта, декоративная, функция была для него в искусстве едва ли не самой важной. Если же речь шла о смысле и других премудростях, мой зам просил его не беспокоить – не по его части, мы же договорились на этот счет... Он, по райкомовскому обычаю, считал любые попытки выяснить смысл жизни через искусство и литературу делом сомнительным, панически боялся писателей и того, что они приносят в редакцию. Прятался, когда в конце коридора появлялся очередной мастер изящной словесности с папкой под мышкой. Мой зам не обязан был разбираться и в музыке, но со времен работы в «Московском комсомольце», где была рубрика «Звуковая дорожка», он запомнил двух рок- (или поп-, я путаюсь в этих классификациях) исполнителей, Макаревича и Гребенщикова. Если речь шла о том, что надо бы, мол, дать что-то о музыке, Гущин предлагал одного из этих двух; мне он сказал, что остальных не знает и не стыдится этого. Так партийные начальники не стыдятся, что знают лишь одного-двух писателей и две-три картины художника Репина-Шишкина.

Впрочем, с первых дней Гущин забурчал по поводу крупных репродукций и больших литературных материалов в «Огоньке», но когда я убедил его, что за это все равно спросят с меня, успокоился и даже повеселел. Я все к тому, что человек этот ни в коем случае не был злым гением; еще раз повторю, что он был чиновником, а российское чиновничество безыдейно. Но оно все прошито, связано общими нитями, круговой порукой; чиновники разных ведомств, в том числе и гэбэшного, искренне помогают в общем деле друг другу. В настоящее время общим делом стало добывание денег, и они служат Большому бумажнику с той же преданностью, с которой недавно служили красному флагу.

Более того, какое-то время вреда от Гущина почти не было – пока он занимался тем, что было ему поручено. До чего же важно, чтобы у каждого человека было свое точное место

в жизни, но важно и чтобы он это место хорошо знал! Надо признаться, что и мне (вполне в горбачевском стиле) нравилось иметь в заместителях такую «серую мышь», вроде бы не претендующую ни на особую популярность, ни на собственные взгляды по основным вопросам (так мне казалось первое время). Мы с Гущиным совместно набирали на работу новых людей, стараясь, чтобы это была молодежь поталантливее. С кем-то пришлось и распрощаться, не без этого. Помню, как пришел ко мне один из журналистов прежней, софроновской, школы «Огонька» Андрей Караулов, этакий ласковый, втирушечный, предупредительный. Все было хорошо в нем, кроме скользкости, такой постоянной намыленности и готовности выполнить любое задание. Только, мол, прикажите-укажите – разорву кого скажете! У него со многими были собственные счета, которые постепенно начали сводиться через журнал; в общем, я пригласил его и попрощался. После «Огонька» он приживался еще во многих местах, написал книжки. Но я никогда не жалел о расставании – деловых людей я мог брать каких угодно, у них служебные функции, но журналистов хотелось брать только тех, на кого бы я смог положиться. По этой же причине мы расстались с репортером Феликсом Медведевым, пронырливым, но очень уж торопливым. Такие когда-то писали о кошке, спасенной из пожара, или о пьянице, оказавшемся под пролеткой. В новом «Огоньке» места им не было...

Одного человека Гуцин привел с собой, это был Валентин Юмашев, ельцинский друг дома и способный журналист. Собственно, журналистом он был по призванию, потому что диплом о соответствующем образовании так и не сумел получить. Он учился на очном, заочном и всех, какие бывают, вариантах факультета журналистики, но так и не довел учение до стадии защиты диплома. Ну что же – практик так практик. Тем более что Юмашев получил в подчинение отдел писем и сделал его отлично работающим подразделением журнала. Шутка ли, в «Огонек» приходило до тысячи писем в день, и разобраться с ними бывало вовсе не просто. Более двадцати женщин пыхтели над конвертами день и ночь. Позже выяснилось, что не только они. Но это уже другая история.

Собственно говоря, обо всем я узнал не с самого начала, а, так сказать, начиная с итогов. По приглашению какого-то французского журнала я оказался в Париже и зашел в издательство «Галимар». Обсудил там собственные писательские мечтания, собрался уходить, но в это время пришли из бухгалтерии и сказали мне, чтобы я передал Гущину с Юмашевым: гонорар уже переведен в Москву. Я ничего не понял. Юмашев писал немного, а Гуцин вообще ничего не писал, кроме протоколов на партсобраниях и докладных записок, – какой гонорар? Тогда мне показали книгу, составленную из писем. Гуцин с Юмашевым, оказывается, провернули целый бизнес, создавая и продавая зарубежным издателям книги читательских писем в «Огонек». Идея была вовсе не плохой, и, когда я спросил в Москве у своего зама, почему она осуществляется втихаря, тот ответил, что как-то не удавалось поговорить со мной, но следующие издания они запланировали выпустить с моим предисловием. В «Галимаре», мол, был пробный камень – сами не ведали, как получится. Ну ладно, тогда я сказал, что из Парижа им переведены гонорары, Гуцин с Юмашевым испугались, ринувшись на их поиск, что во все времена в Москве было делом почти бессмысленным. Позже Гуцин пришел ко мне в кабинет и заговорил о сокровенном: что деньги надо делать, время сейчас такое. Он показал мне кредитную карточку лондонского банка (в то время великую редкость в Москве, Гуцин звал этот банк «Барклай») и сказал, что может устроить такую же для меня. В Лондоне, мол, у него уже есть зарегистрированное дело. Так у меня с заместителем получился едва ли не единственный разговор «о личном». Неудачная попытка, потому что я, естественно, удивился, что в журнале ничего о делах и счетах не знают, и сообразил, что мне предлагают вступить в долю с партнерами посерьезнее, чем удалые сотрудники «Огонька». Впрочем, с самого начала мне казалось, что все эти счета и карточки вряд ли могли быть организованы без соответствующих позволений. Но это на моем уровне недоказуемо, так что пусть останется в сфере предположений. Что

я знаю наверняка: спецчиновники любят и умеют устраивать для себя спецпартии и спецкормушки, почти не прячась – «свой к своему». Жизнь была ключом...

Что еще интересно: чиновники в любой среде вначале пробуют завоевать и отгородить свою независимую территорию, а затем принимаются ее расширять. Гуцин с Юмашевым теперь уже почти постоянно были заняты какими-то делами, о которых я в дальнейшем узнавал случайно и не от них. Вдруг ко мне примчался сотрудник «Крокодила» Виталий Витальев (позже он эмигрировал в Австралию и неплохо там устроился); оказывается, на английском вышла книга избранных статей из журнала (Витальев регулярно публиковался в «Огоньке»), а ему ничего не заплатили. «Присылайте его и других ко мне, разберемся и доложим», – сказал Гуцин. Как-то договаривались... Когда я в следующий раз оказался в Париже, мне там передали конверт с гонораром за перепечатки из «Огонька». По возвращении я его надлежащим образом оприходовал и сдал в бухгалтерию под положенные расписки. Мой зам пожал плечами: «Зачем?» Он сосредоточенно продолжал разворачивать предприятия вокруг журнала. Я бы ничего не имел против, если бы это приносило ощутимую пользу для всех сотрудников. Между тем множились вокруг какие-то фонды для борьбы с ужасными болезнями. Фонды освобождались от пошлин, но для несчастных больных завозили телефоны и телефаксы, о которых я тоже узнавал случайно. Я закрывал эти фонды один за другим, но они возникали под другими названиями и в других местах. Мне раз за разом объясняли, что время сейчас такое – хороший чиновник может хорошо заработать, ничем не рискуя. «Да и прикрытие, – вполголоса добавлял мой заместитель, – у нас тоже есть». А я представлял себе наш чистый журнал в центре шумной аферы и, вздрагивая, отказывался. С моим заместителем мы все больше оказывались как бы в разных измерениях, убежденные в собственной правоте – но по отдельности каждый. Вокруг журнала возникали целые базарчики, соединенные с «Огоньком» только лишь его добрым именем, под которое можно было тогда получить все, что угодно. Денежные заботы поглотили моего заместителя полностью, и пришлось для работы взять еще одного. Выгнать прежнего? Как и зачем? Все становилось похоже на борьбу с тараканами в коммунальной кухне, где кажется, что усачи приходят и уходят, когда им вздумается.

Почти все пошло в открытую. В журнал захаживали какие-то серьезные люди с военной выправкой и стальными глазами, но стучались они к моему заму, а не ко мне, и, что странно, рукописей не приносили. Не знаю, откуда они были, может быть, это и хаживала та самая «крыша»? Многие идеи моего заместителя все больше совпадали с рекомендациями, внушаемыми мне на регулярных втыках в КГБ, но и это вполне могло быть случайным совпадением. Мне надоела либеральная мания преследования, да и время резко поменяло свои стандарты. Кроме того, Гуцин был работником номенклатурным и, даже решившись переместить или уволить его, я должен был бы согласовывать и объяснять это сто раз, да еще и в письменной форме. Представляю себе эту склоку!

Я уже говорил вам об универсальности чиновничьего счастья. Ситуация в «Огоньке» один к одному повторяла происходящее в российском правительстве. Загадочные решения, высокие интересы... При этом ежу понятно, что многие руководители «дуют на сторону», «гребют под себя», пылко рассуждая про народное благо. Люди эти оглашают лучшие намерения, пекутся об общем процветании, но, странным образом, благ прибавляется только у них самих. Убрать таких людей невыносимо сложно, потому что каждый укреплен в сети взаимовыгодных связей, которая способна поддерживать очень долго. Большинство удач моего зама естественно вписывалось в общегосударственный стиль, потому что было «лично его»; огоньковская ситуация напоминала общегосударственную, так как строилась по одинаковым правилам. Я упустил вожжи (или рысаки были уже не по мне). Увы, и я, и многие российские руководители с большим опозданием поняли, насколько важно держать процесс под контролем. Государство Российское сегодня не очень спешит принимать законы, нормирующие чиновничьи выкрутасы.

Если в Америке чиновника могут снять с должности за несколько бесплатных билетов на баскетбол, полученных им в подарок, то в России, как вам известно...

В общем, то, чему я противостоял несколько лет назад в отдельно взятом журнале, сегодня разбушевало в масштабах большой страны. Процесс последователен и пока что неостановим...

А дел у меня хватало и, кроме этого, на журнал жали со всех сторон, я непрерывно ездил на очередные накачки; в родимом Верховном Совете провели специальное заседание комиссии по обороне, чтобы заклеить мое непатриотичное поведение (помню, как тетка с депутатским значком орала, обращаясь к присутствующим генералам и тыча пальцем в меня: «Да не слушайте вы этого щелкопера!»). Председатель КГБ Крючков вызвал меня на Лубянку и крыл не только лично от себя, но и от имени Горбачева («Михаил Сергеевич поручил предупредить вас!...»).

Взрывы общегосударственных конфликтов отражались на страницах журнала. Хирели в стране искусство и литература; Гуцин тоже считал, что литература с искусством – дело неприбыльное, а значит, десятое; конфликты между моим замом и теми, кто вел раздел литературы и искусства, участились. Конфликтовать начал и я, тем более что самые общественно острые материалы шли через эти отделы – начальственное возмущение давно уже проливалось на них. Но чиновники умеют достигать своего. Они отлично знают, чего хотят; причем какими-то невидимыми нитями связывают свои желания в единый клубок и на глазах усиливают друг друга. Серые начинают и выигрывают – истина, которая слишком уж часто подтверждается.

В журнале сложилось как бы два центра. Один продавал-покупал, принимал загадочных визитеров со стальными глазами и завозил во все еще нищую страну некие нужные ей товары. Другой – поддерживал либеральную репутацию еженедельника. Эта репутация оставалась высокой: я подряд получил несколько очень важных международных премий; цитаты из «Огонька» фигурировали во всех сводках авторитетных мнений, составляемых мировыми агентствами. Очереди за журналом в Москве выстраивались спозаранку по-прежнему, но делать его было все труднее.

Я говорил уже, что чиновники обладают замечательным качеством: они, как раковая опухоль, постоянно стремятся врасти во все окружающее. Редакционные конфликты множились; Гуцин уверенно подчинял себе издательское дело, видя в нем чистый бизнес; так, наверное, можно производить шахматные фигурки, не умея играть в шахматы. Что же, пользуясь формулой из газеты «Правда», можно было сказать, что новые отношения врывались в старые стены. Разворачивался и уходил из-под контроля рекламный бизнес, возникла и прикрылась видеопродукция. Самое обидное, что постепенно журнал переставал быть тем ансамблем единомышленников, который и принес ему славу. Отношения с заместителем становились хуже и хуже; я ощущал, как все больше устаю от его неумоимости.

Не хочу утомлять вас подробностями. О том, например, как после всех правок и читок в статью о моем приятеле, хорошем певце Иосифе Кобзоне, вдруг вписывалась глумливая фраза. Куда-то исчезали важные, очень острые материалы, а один из них, заказанный мной в Израиле у писателя Юрия Милославского, оказался так изуродован, что мне до сих пор перед человеком стыдно. Я не успевал всего делать сам и понимал, что упускаю вожжи редакционного дилижанса. Меня уже начали обманывать почти в открытую; один случай был особенно неприятен.

Я оказался в Нью-Йорке одновременно с известным российским мракобесом, генералом Филатовым, главным редактором «Военно-исторического журнала». Журнал этот был изданием откровенно черносотенным, начал печатать даже главы из «Майн кампф» Гитлера, как рекомендованное чтение для армейских патриотов. Но в Америке (что с этой публикой частенько случается) генерал-редактор (позже он, кстати, поработал и пресс-секретарем у Жириновского) начал угодливо стучать хвостом. На одном из каналов нью-йоркского общественного «Паблик радио» он дал интервью, где поведал, что главной задачей советского

вторжения в Афганистан было, оказывается, отсечь исламскому миру пути дальнейшего продвижения на Запад, спасти ближневосточных друзей Америки и укротить Иран. Знакомый американец-редактор с радио переписал мне пленку с интервью, а я с оказией отправил эту пленку в двух экземплярах в «Огонек», приказав немедленно расшифровать запись и опубликовать. Через день позвонил и убедился, что копии пленки получены и Гуциным, и Юмашевым. А через пару дней, раньше, чем меня ожидали, я сам возвратился в журнал. Примчался в редакцию, спрашиваю о материале: Гуцин и Юмашев, потупясь, но в один голос, отвечают, что пленки куда-то пропали. Обе сразу, из запертых сейфов... Позже мне рассказали, что генералу Филатову была выволочка за американскую болтовню, но мне от этого легче не стало. С некоторых пор любой, даже самый недолгий мой отъезд из «Огонька» таил опасность для репутации журнала.

Вдруг пожаловался Юрий Никулин. Добрейший человек, замечательный клоун, он в предисловии к последнему своему сборнику анекдотов писал, что это я надоумил его публиковать «Анекдоты от Никулина» и сам придумал название рубрики. Действительно, это был я; мой интерес был предметным, профессиональным, мне нужна была именно такая рубрика в «Огоньке». Но мой зам шуточек не любил и начал анекдоты саботировать. Когда я был в редакции, все шло нормально, а стоило уехать – Никулин жаловался, что его анекдоты перевираются в наборе, а уже набранные теряются...

Можно и, наверное, нужно было бы наказать подчиненных – и не один раз. Но после этого война пошла бы в открытую; не уверен, что тогда бы я ее выиграл. Да и трудно противостоять чиновникам, тем более номенклатурным, неразъемно связанным с властью. Ощущение усталости нарастало во мне, опускались руки, атаки же на журнал накатывались одна за другой. Московский корреспондент газеты «Вашингтон пост» Давид Ремник назвал статью обо мне «Коротич – громоотвод перестройки». А страна уже ходила ходуном в это время, Ельцин рвался в Кремль. Всегда корректный Юмашев объяснял мне, что любое прикрытие нам будет обеспечено именно ельцинскими людьми, поэтому надо их поддерживать где возможно. Но я то был из другой команды, а вернее, пытался играть сам по себе.

Что-то надо было делать. Я пригласил аудиторов, устроивших проверку всей финансовой документации. Комиссия начала работать в обстановке разгорающегося конфликта, документов ей не давали, я приказывал отпереть сейфы, ключи от которых терялись в самое необходимое время. Председатель совета трудового коллектива журнала (это было теперь вместо профорга, партийную организацию к тому времени мы уже прикрыли) написал мне заявление о «Л. Н. Гуцине, систематически блокирующем работу проверяющих», а также о том, что «редакция и трудовой коллектив, мягко говоря, обобранны». Тем временем аудиторы нарыли все-таки много мелкой, мелочной грязи – растрат на личные цели, незаконных расходов в небольших, но достаточно неприятных размерах. И везде фигурировали два человека, втихаря устраивавшие свои дела: мой заместитель и заведующий отделом писем. В сравнении с тем, что происходило тогда же в России, это было несерьезно, государственные чиновники начали уже хапать контейнерами, но все равно было противно... Чуть позже в журнале «Столица», независимо от всего этого, появилась статья о махинациях Гуцина. Ко мне ходили и ходили сотрудники, требуя «шустрого Леву» (так они называли между собой моего зама) из «Огонька» убрать. Шесть человек вскоре уволились, заявив, что не будут работать в таких условиях. Мне было очень непросто, но на радикальную перетряску редакции не было уже сил и если честно, то и желания. Ельцин входил во власть, вводя туда за собой целый хвост верных людей, одним из которых был мой Валентин Юмашев. Начинать войну именно сейчас значило перейти к борьбе без правил, к той самой схватке на рыбьих потрохах, которую иногда устраивают в американских цирках. Можно было разрушить и журнал, и себя, ничего не получая даже в случае победы (которая была почти невозможна в этих условиях).

И вот я, со своей репутацией храброго редактора, решил уйти. Позже, на инаугурацию нового, «послекоротичевского «Огонька», возглавленного уже Гуциным и Юмашевым на пару, как главный гость придет главный охранник Ельцина, гэбэшный генерал Коржаков с поздравлениями; наконец-то у них все стало как надо. Что касается моей храбрости, то уже в Америке я прочел книгу московского корреспондента газеты «Филадельфия инкуайрер», который рассказывает, как на встрече с редакторами Горбачев похвалил нас за храбрость, а я вроде бы встал и сказал ему: «Плохо, если надо быть храбрым, чтобы делать у нас в стране хороший журнал. Пожалуйста, руководите так, чтобы храбрость не была в числе главных примет российского журналиста. Мы же не дрессировщики тигров и не акробаты под куполом...» Тем не менее на обложке книги об «Огоньке», вышедшей в Америке, английский писатель Джон Ле Карре снова пишет о моей храбрости, как будто я воевал в окопах, а не возглавлял популярный еженедельник.

В междувременье случилось еще несколько «историй-звончков», в частности подставленная мне Гуциным и не проверенная до конца статья следователей Гдляна – Иванова о коррупции в ЦК советской компартии. Чтобы вывернуться, мне чуть ли не самому пришлось в дальнейшем провести следствие, посидеть с Гдляном над видеопленками допросов чиновных вельмож, а затем в президиуме Всесоюзной партконференции в Кремле вручить Горбачеву папки с делами вороватых партийных функционеров. Хорош был тогда скандал, но он стоил здоровья, и не только мне: в день моего выступления какой-то грузовик долбанул мою служебную «Волгу», помял машину, сильно ушиб водителя...

Я пишу все это, раскаиваясь. Не удалось совместить в журнале розы и виноград, красивое с полезным. Сейчас, когда российское население отважно борется с капитализмом и коммунизмом одновременно, я снова отчетливо понимаю, как в «Огоньке» времен его взлета скрестились два главных направления жизни и не смогли соединиться. Романтический дух перемен, надежды на лучшее и спокойная уверенность вороватой братии, все больше забирающей власть, сталкивались не только в журнале – во всей стране. Мы были как бы малой моделью всероссийской ситуации. Мой заместитель почти гордился тем, что ничего не смыслит в вопросах культуры, но был вхож куда надо и притом умел делать деньги. Он был бизнесменом, откровенно полагая, что зарабатывание денег и интересное чтение могут и не иметь между собой ничего общего. Зато я умел делать хороший журнал, знал, где и что для этого надо взять, но это, как говорится, совсем другая профессия. Забавно, что, приведя Гуцина к власти, крепкие ребята позже пробовали посылать его в разные страны, по моим следам, пробовали внедрять его туда, куда я был вхож, хотели оседлать добрую огоньковскую репутацию. Ничего из этого не вышло. Как говаривал один немецкий философ в униформе: «Каждому – свое!»

Бывало очень тревожно. По ночам начал названивать телефон, и мне настойчиво советовали не вмешиваться в чужие дела; новая жизнь накатывала немилосердно. Человеческие умения входили в моду и выходили из моды, но чиновники были нужны всегда. Мой заместитель был победоносной серой мышкой на все времена, обладая универсальными умениями, применимыми где угодно. Юмашев был посложнее, все-таки журналист, человек творческий, почти что член семьи Ельцина. Он дружил с его дочерью Татьяной (Коржаков непочтительно высказывался на эту тему, но кто же ему поверит) и писал книги Борису Николаевичу. Еще в «Огоньке» отладилась система продажи этих рукописей за рубеж через лондонского литературного агента Эндрю Нюрнберга. Юмашев откровенно гордился: «Да, я служу Ельцину и устраиваю его дела!» Он очень дополнял своего друга Гуцина, становясь как бы звеном между чиновниками и журналистами, потому что умудрялся одновременно быть тем и другим. Это было знамение времени. Новая пресса, новые отношения приходили в жизнь, где слишком многое осталось как было. Серые мышки никуда не девались. Палеонтологи серьезно утверждают, что когда-то, после того как на Земле погибли все динозавры, надолго воцарились крысы с мышами, мелкие грызуны – они никогда не исчезали на этой планете и, по-моему, не исчезнут.

...Прошло несколько лет, и Гуцин решил удивить меня, пригласив на банкет по случаю своего дня рождения в ресторан Дома журналистов. Гостей он представлял, начиная не с имен, а с должностей: «Это зампреда Совета министров, это министр печати, а это вот еще один министр...» Я министров на семейные праздники никогда не сзывал, потому что моя жизнь устроена по-другому. Мне этого не нужно. Ему, Гуцину, это было необходимо, так как чиновники не существуют вне своих связей, у них групповая ценность важнее всего.

А тем временем мне шли приглашения из разных стран, больше всего из Америки. За океаном уже в основном пересажали самых вороватых чиновников и стали усердно исследовать, как можно делать прессу в условиях законности. На год я взял стипендию для изучения всех этих дел в Колумбийском университете Нью-Йорка, а затем уже начал изучать предложения о постоянной работе. Первыми пришли приглашения из калифорнийских университетов, затем из университета штата Мичиган, но всего на семестр, затем из Бард-колледжа под Нью-Йорком, на два года. Затем из Бостона – на год. Это было то, чего я хотел: остановиться, оглянуться, подумать. Завершая переговоры в Америке, я, как капитулирующий генерал, сдал Гуцину и Юмашеву знамя и печати журнала. В Бостоне меня приняли очень радостно, я придумывал, что именно буду преподавать, но на прощание хотел еще сделать для «Огонька» интервью с президентом Тайваня (играло роль и то, что меня давно туда приглашали, и то, что в нашем МИДе слышать про такое интервью не хотели, боялись окрика из Пекина). В общем, с начала сентября начинался учебный год, а на 19 августа 1991 года у меня был билет из Нью-Йорка в Тайбей, столицу Тайваня, на 20 августа было назначено само интервью. Но позвонила Лариса Сильницкая с радио «Свобода» и сообщила, что в Москве произошел путч. Все Тайвани отпали сразу же. Лететь в Москву? Зачем? Если путч серьезный, меня взяли бы прямо в аэропорту, если несерьезный, то тем более незачем ехать. Многие известные либералы – Каспаров, Старовойтова, Афанасьев – были в это время по границам и тоже не поспешили домой. Прилетел в Москву Ростропович, который никогда и никем не будет арестован, кроме правительства самоубийц. Кто тронет музыканта такого уровня?

Путч помог мне: он был как водораздел, я легко смог объяснить в журнале, почему не возвращусь работать. Мы созвонились с Гуциным и подтвердили прежние договоренности. По факсу я послал письмо с просьбой разрешить мне уйти. Гуцин скоренько провел собрание, где узаконил свое редакторство (понятное дело, он был единственным кандидатом). Журнал напечатал благодарственное письмо в мой адрес с перечислением всех заслуг и до сих пор на всех титульных страницах печатает мою фамилию. Спасибо. Повыступав в дни путча по всем американским радио- и телеканалам, я через несколько дней ненадолго возвратился в Москву, где «Огонек» устроил роскошный ресторанный бал в мою честь. Спасибо. В редакционном сейфе я все же оставил неподписанный приказ о строгом выговоре Гуцину с длинным перечислением его грехов. Он прочел, но ничего не сказал – многие прежние грехи шли теперь за достоинства.

Как-то очень быстро журнал обрушился. Лучшие из сотрудников были по-прежнему на виду, но вне «Огонька». Дмитрий Бирюков контролировал издание «Итогов», во многом занявших прежнюю огоньковскую нишу. Артем Боровик цвел со своим «Совершенно секретно».

Гуцин угробил «Огонек» в рекордные сроки. Вначале он уменьшил формат – можно было не мучиться с огромными репродукциями. Затем растерял автуру. Зато вскоре каждый номер журнала открывался его, Гуцина, портретом, да все в разных костюмах, да все в разных галстуках... Такое я видел только в американских универмагах, где иногда вывешивают при входе портрет главного менеджера. Вскоре аналитических материалов в «Огоньке» стало еще меньше – всю центральную часть, самую важную когда-то, готовившуюся загодя, надолго заняли телепрограммы, которых навалом в любой газете. Тираж скукожился до нескольких десятков тысяч, журнал почти не читали, во всяком случае – те, кто за него дрался еще вчера. Когда «Огоньком» завладел Борис Березовский, он подумал-подумал и расстался с Гуциным.

Но тот не пропал, универсальные чиновники нужны всегда, он еще пригодится, он еще что-нибудь угробит... Юмашев же растворился в верхних слоях чиновничьей атмосферы, окончательно уйдя в семью президента, поруководил ельцинской администрацией, затем отыскал себе место как бы в ней, но и вне ее. Жизнь продолжается!

Заметки для памяти

4 февраля 1990 года мы собрались на митинг. Толпа была огромна, и ее лозунги были возвышенно прекрасны – за демократию, против партийных консерваторов во главе с Егором Лигачевым, против антисемитского погрома, устроенного «Памятью» в Союзе писателей за несколько дней до этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.